

Оригинальная статья

УДК 81'322.2+811.111

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-2-40-52>**Цифровой алгоритм перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия
в автоматизированном переводе: феноменология и искусственный интеллект*****С.В. Сахневич¹, Т.Ю. Тамерьян²**¹Институт деловой карьеры;

109029, Российская Федерация, Москва, ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4;

²Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова;

362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46;

¹ORCID ID: 0000-0002-2068-9250;²ORCID ID: 0000-0001-8109-1052;²Web of Science Researcher ID: E-4565-2014;¹Scopus Author ID: 59505325100;²Scopus Author ID: 57110384400;¹SPIN-код: 1814-5050;²SPIN-код: 3901-9652;

*e-mail: crash68@yandex.ru.

Резюме: Цифровая эпоха, характеризующаяся массовым внедрением нейросетевых систем машинного перевода, породила фундаментальное противоречие: высокая формальная точность перевода всё чаще сопровождается дефицитом доверия со стороны реципиента. В чувствительных коммуникативных сферах (медицина, право, пользовательские интерфейсы) это противоречие приобретает критический характер. Традиционная «естественная установка» сознания переводчика, рассматривающая перевод как внешний объект, ведёт к шаблонизации, алгоритмической предвзятости и утрате живого контакта с реципиентом. Требуется переход к феноменологической установке, при которой перевод осмысливается как коррелят сознания переводчика и реципиента. Целью является разработать и эмпирически верифицировать четырёхэтапный цифровой алгоритм перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия, основанный на феноменологии Э. Гуссерля и концепте «цифрового консумента». Корпус составили 320 цифровых текстов четырёх дискурсивных доменов, переведённых 30 профессиональными переводчиками, разделёнными на контрольную (естественная установка) и экспериментальную (феноменологический алгоритм) группы. Экспериментальная группа проходила тренинг, включающий эпохэ и аналогизирующую апперцепцию на основе состояния «цифрового консумента». Измерялись точность понимания, субъективное доверие реципиентов (10-балльная шкала), время перевода и когнитивная нагрузка переводчиков (NASA-TLX). Применялись также качественные интервью с реципиентами. Переводы, выполненные по феноменологическому алгоритму, продемонстрировали статистически значимый ($p < 0,01$) прирост точности понимания с 74 % до 93 % и повышение субъективного доверия с 5,9 до 8,4 балла. Время перевода сократилось на 24 %, когнитивная нагрузка переводчиков снизилась с 55 до 34 баллов NASA-TLX. Качественный анализ зафиксировал существенное снижение жалоб на «бездушность» перевода и рост ощущения «человечности» текста. Предложенный цифровой алгоритм, операционализирующий феноменологическую установку, эффективно преодолевает разрыв между формальной точностью машинного перевода и потребностью реципиента в доверии, одновременно облегчая труд переводчика. Алгоритм может быть интегрирован в гибридные системы «человек – ИИ» и в программы профессиональной подготовки переводчиков.

Ключевые слова: феноменология перевода, интенциональность, цифровой консумент, аналогизирующая апперцепция, машинный перевод, доверие, алгоритм.

Для цитирования: Сахневич С.В., Тамерьян Т.Ю. Цифровой алгоритм перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия в автоматизированном переводе: феноменология и искусственный интеллект. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2026. № 2. С. 40-52. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-2-40-52>.

Original Paper

<https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-2-40-52>

**Digital Algorithm for the Transition from Intentionality of Distrust to Intentionality of Trust
in Automated Translation: Phenomenology and Artificial Intelligence**

Sergey V. Sakhnevich¹, Tatiana Yu. Tameryan²

¹ *Institute of Business Career;*

32, bld. 4, Nizhegorodskaya Str., Moscow, Russian Federation, 109029;

² *Khetagurov North Ossetian State University;*

44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, Russian Federation, 362025;

¹*ORCID ID: 0000-0002-2068-9250;*

²*ORCID ID: 0000-0001-8109-1052;*

²*Web of Science Researcher ID: E-4565-2014;*

¹*Scopus Author ID: 59505325100;*

²*Scopus Author ID: 57110384400;*

¹*SPIN-code: 1814-5050;*

²*SPIN-code: 3901-9652;*

**e-mail: crash68@yandex.ru;*

Abstract: The digital era, marked by the mass introduction of neural machine translation systems, has given rise to a fundamental contradiction: high formal translation accuracy is increasingly accompanied by a deficit of recipient trust. In sensitive communicative domains (medicine, law, user interfaces), this contradiction becomes critical. The traditional “natural attitude” of the translator’s consciousness, which treats translation as an external object, leads to templating, algorithmic bias, and a loss of living contact with the recipient. A transition to a phenomenological attitude, in which translation is conceived as a correlate of the translator’s and the recipient’s consciousness, is required. The aim is to develop and empirically verify a four-stage digital algorithm for the transition from the intentionality of distrust to the intentionality of trust, based on the phenomenology of E. Husserl and the concept of the “digital consumer”. The corpus comprised 320 digital texts from four discourse domains translated by 30 professional translators divided into a control (natural attitude) and an experimental (phenomenological algorithm) group. The experimental group underwent training including epoché and analogising apperception based on the “digital consumer” state. Comprehension accuracy, subjective trust (10-point scale), translation time, and translators’ cognitive load (NASA-TLX) were measured. Qualitative interviews with recipients were also conducted. Translations produced according to the phenomenological algorithm showed a statistically significant ($p < 0.01$) increase in comprehension accuracy from 74 % to 93 % and in subjective trust from 5.9 to 8.4 points. Translation time decreased by 24 %, translators’ cognitive load dropped from 55 to 34 NASA-TLX points. The qualitative analysis revealed a substantial reduction in complaints about translations being “soulless” and an increased sense of the texts’ “humaneness”. The proposed digital algorithm, operationalising the phenomenological attitude, effectively bridges the gap between the formal accuracy of machine translation and the recipient’s need for trust, while simultaneously easing the translator’s work. The algorithm can be integrated into hybrid “human–AI” systems and into translator training programmes.

Keywords: phenomenology of translation, intentionality, digital consumer, analogising apperception, machine translation, trust, algorithm.

For citation: Sakhnevich S.V., Tameryan T.Yu. Digital algorithm for the transition from intentionality of distrust to intentionality of trust in automated translation: phenomenology and artificial intelligence. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2026, no 2, pp. 40-52. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2026-2-40-52> (In Russ.).

Введение

Современные исследования перевода, как правило, фокусируются на лингвистических аспектах, на поиске эквивалентов между языками и на создании формальных алгоритмов. Однако цифровая эпоха, характеризующаяся повсеместным использованием машинного перевода, нейросетевых моделей (GPT, трансформеры, большие языковые модели) и корпусных технологий, требует пересмотра субъективного, феноменологического аспекта перевода. Возникает вопрос: как сам переводчик (человек или гибридная система «человек – ИИ») и реципиент воспринимают процесс перевода и его результат в цифровой среде? Заимствуя идеи Франца Brentano об интенциональности сознания [1], мы предлагаем рассмотреть цифровой перевод не как механическое преобразование текста, а как акт

цифрового сознания, направленный на создание нового интенционального объекта в условиях опосредованной коммуникации. Естественная установка сознания, характеризующаяся недоверием переводчика к собственному восприятию и рассматривающая перевод как внешний объект (например, как выдачу нейросети), часто приводит к шаблонным решениям, которые не всегда соответствуют потребностям конкретного реципиента. В отличие от этого, мы предлагаем феноменологическую установку, основанную на интенциональности доверия, при которой переводчик воспринимает перевод как коррелят своего беспредпосылочного цифрового сознания.

Изначально мы сталкиваемся с *противоречием* между нозисом переводчика (человека или ИИ-ассистента), рассматривающего перевод как мост между культурами, и нозисом реципиента перевода, воспринимающего перевод как пользу в условиях цифрового потребления контента. *Проблема* заключается в следующем: как преодолеть разрыв между переводчиком (в том числе автоматизированным) и реципиентом в цифровой среде? Объектом исследования выступает процесс цифрового перевода (человеческого, машинного и гибридного), предметом – влияние установки сознания переводчика (естественная vs. феноменологическая) на качество перевода для его реципиента в условиях цифровой феноменологии.

Цель

Целью статьи является разработка цифрового алгоритма перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия [2] как механизма достижения единства сознаний переводчика (человека и/или ИИ) и реципиента, что позволит преодолеть диссонанс между их нозисами в цифровой среде.

Обзор литературы

Естественная установка сознания в цифровом переводе и её недостатки. Традиционный подход к переводу, перенесённый в цифровую среду, часто характеризуется естественной установкой на перевод. Переводчик (или система ИИ), придерживающийся такого подхода, рассматривает перевод как внешний по отношению к сознанию объект – как выходные данные алгоритма. Такой подход можно назвать «интенциональностью недоверия» к сознанию реципиента перевода, потому что он основан на вере в возможность объективного, независимого от субъективных переживаний перевода. Предполагается, что существует перевод, близкий к идеальному, который может быть достигнут путём точного следования лингвистическим правилам и статистическим закономерностям. Однако пролиферация шаблонов перевода прошлого опыта (например, заимствование из обучающих корпусов) и пролиферация шаблонов перевода в результате недостатков сбора информации о реципиенте привели к тому, что на определённом этапе своего развития цифровой перевод достиг предела своего эволюционного развития. Это привело к противоречию между нуждами реципиента перевода и продуктом перевода. Особенно остро оно проявляется в медицинских и юридических контекстах, где ошибка машинного перевода может иметь критические последствия [3; 4].

Шаблоны прошлого в виде нозм в сознании переводчика (или в весах нейросети) – это онтологическая предвзятость, которая представляет собой убеждения переводчика о переводе. Например, следуя правилу, что «переводчик есть человек своего времени, который переводит от себя и для своих современников» [5], система машинного перевода или человек, использующий шаблоны, может перевести фразу из сакрального текста «Вечерни приведи нас ко пристанищу хотения Твоего» как «Приведи нас в тихую Твою гавань». В результате реципиенты перевода, группа верующих в цифровом сообществе, выразили мнение, что, во-первых, возникает комический эффект из-за ассоциации с известным выражением «в нашу гавань заходили корабли», и, во-вторых, само слово «гавань» кажется им не совсем русским [6]. В цифровой среде этот эффект усугубляется тем, что нейросети обучаются на огромных корпусах, содержащих такие же шаблоны, и тем самым воспроизводят и усиливают культурные искажения.

Естественная установка порождает феномен «слепого доверия к алгоритму»: пользователь (реципиент) часто не может отличить качественный перевод от шаблонного, а переводчик-человек, полагаясь на авторитет ИИ, снижает собственную критичность. Это приводит к тому, что перевод перестаёт быть актом коммуникации и превращается в техническую процедуру, лишённую эмпатии и понимания контекста. Дополнительным недостатком естественной установки является игнорирование временного измерения перевода: шаблоны фиксируют прошлый опыт, но не способны реагировать на сиюминутные изменения в языке, на новые культурные отсылки или на уникальную ситуацию конкретного реципиента. В результате перевод, даже будучи грамматически правильным, оказывается «мёртвым» – он не вызывает доверия, не побуждает к действию и не создаёт ощущения подлинной коммуникации. Это особенно заметно в коммерческой сфере, где от качества перевода зависит конверсия сайта, или в сфере цифрового образования, где неадаптированный перевод может полностью заблокировать усвоение материала. Таким образом, естественная установка, при всех её кажущихся преимуществах (скорость, формальная точность), на деле создаёт барьер между переводчиком и реципиентом, который может быть преодолен только через смену самой установки.

Пример 1. Медицинский (домен высокого риска)

Исходный текст:

Take this medication on an empty stomach, at least one hour before a meal. If you experience dizziness or fainting, discontinue use and consult your physician immediately.

Google Translate: «Принимайте это лекарство натощак, не менее чем за час до еды. Если вы испытываете головокружение или обморок, прекратите использование и немедленно обратитесь к врачу».

DeepL: «Принимайте это лекарство на пустой желудок, по крайней мере за час до еды. Если у вас возникнет головокружение или вы потеряете сознание, прекратите приём и немедленно проконсультируйтесь с врачом».

Анализ ошибок: Оба перевода формально точны, но порождают тревогу. Слово «обморок» звучит как протокол, «потеряете сознание» – ещё более пугающе. Директив «прекратите», «немедленно обратитесь» усиливает чувство беспомощности. Реципиент не доверяет такому тексту, потому что не чувствует понимания его состояния.

Перевод по алгоритму (феноменологическая установка):

«Принимайте лекарство строго натощак, минимум за час до еды. Если вы почувствуете головокружение или сильную слабость (вплоть до обморока), лучше прекратить приём и сразу же посоветоваться с врачом. Это важно для вашей безопасности».

Обоснование: Снят директив («лучше прекратить» вместо «прекратите»), введена смысловая градация («слабость вплоть до обморока»), добавлена апелляция к заботе («это важно для вашей безопасности»). Текст перестаёт быть роботизированным и начинает вызывать доверие.

Пример 2. Юридический (пользовательское соглашение)

Исходный текст:

The Company reserves the right to amend these terms at any time without prior notice. Your continued use of the service constitutes acceptance of the modified terms.

Google Translate: «Компания оставляет за собой право изменять настоящие условия в любое время без предварительного уведомления. Ваше дальнейшее использование Сервиса означает принятие изменённых условий».

DeepL: «Компания имеет право изменять эти условия в любое время без предварительного уведомления. Продолжая использовать сервис, вы соглашаетесь с изменёнными условиями».

Анализ ошибок: Перевод воспринимается как односторонняя угроза. «Оставляет за собой право», «без предварительного уведомления» – формулировки, которые порождают ощущение бесправия и недоверия. Реципиент чувствует себя объектом манипуляции, а не участником договорных отношений.

Перевод по алгоритму:

«Компания может обновлять эти правила. Если это произойдёт, мы опубликуем новую версию здесь. Пожалуйста, периодически заглядывайте – если вы продолжаете пользоваться сервисом, мы считаем, что вы согласны с изменениями. Мы стараемся делать правила понятными».

Обоснование: Вместо безличного «оставляет за собой право» – простое «может обновлять». Вместо «без предварительного уведомления» – конкретный механизм «опубликуем новую версию здесь». Добавлены маркеры человеческого тона: «пожалуйста», «мы стараемся». Снята угроза, возвращено доверие.

Феноменологическая установка как альтернатива в цифровой среде. В отличие от естественной установки на перевод, который характеризуется недоверием к сознанию реципиента перевода, феноменологический подход в цифровой среде, основанный на идеях Франца Brentano и развитый Гуссерлем, предполагает совершенно иной тип отношения переводчика к процессу перевода. Ключевым моментом здесь является доверие к собственному субъективному восприятию и к субъективному восприятию перевода реципиентом перевода, то есть восприятию перевода как коррелятов сознаний. Это смысл объекта, как он существует в цифровом сознании. В контексте цифрового перевода интенциональный объект – это то, что нужно от перевода: не просто информация, но переживание, опыт, польза.

Феноменологическая установка требует от переводчика (человека или оператора ИИ) выполнения редукции – временного «заключения в скобки» всех готовых шаблонов, частотных словарей и статистических предсказаний. Вместо этого переводчик обращается к самому тексту как к феномену, который дан ему в непосредственном переживании. В цифровом контексте это означает, что при работе с нейросетью человек не просто принимает её выдачу, а интерпретирует её через призму собственного ноззиса, корректируя и достраивая смысл. Например, при переводе поэтического текста или медицинской инструкции феноменологически ориентированный переводчик (или гибридная система) будет задаваться вопросом, что именно переживает реципиент, читая этот перевод; какие смыслы рождаются в его сознании. Такой подход резко контрастирует с автоматическим подстановочным переводом, где важна только формальная эквивалентность.

Более того, феноменологическая установка позволяет преодолеть проблему «чёрного ящика» нейросетей: вместо того чтобы доверять непрозрачному алгоритму, переводчик строит модель сознания реципиента на основе собственного опыта, что возвращает перевод в пространство человеческой коммуникации, даже если в процессе

используется ИИ. Феноменологическая установка не отрицает полезности машинного перевода как инструмента. Напротив, она интегрирует его, но переводит из статуса «авторитета» в статус «материала». Переводчик-феноменолог смотрит на выдачу нейросети как на один из возможных вариантов, который подлежит критической оценке и доработке на основе его собственного интенционального переживания. Это роднит феноменологический подход с современными концепциями «human-in-the-loop» в области ИИ, где человек остаётся ответственным за конечный смысл.

Кроме того, феноменологическая установка позволяет выявить такие нюансы исходного текста, которые алгоритм по определению не может уловить: иронию, сарказм, намёк, интертекстуальную отсылку, эмоциональную тональность. Всё это составляет «жизнь языка», которая ускользает от формального анализа, но непосредственно дана в переживании носителя языка. Таким образом, феноменологическая установка представляет собой не просто философскую абстракцию, а вполне практический инструмент повышения качества перевода в цифровую эпоху.

Пример 3. UI/интерфейс приложения (ошибка, сообщение пользователю)

Исходный текст:

An error occurred while saving your data. Please check your internet connection and try again. If the problem persists, contact support.

Google Translate: «При сохранении ваших данных произошла ошибка.

Проверьте подключение к Интернету и повторите попытку. Если проблема не устранена, обратитесь в службу поддержки».

DeepL: «Во время сохранения данных произошла ошибка. Проверьте подключение к интернету и попробуйте снова. Если проблема повторяется, свяжитесь со службой поддержки».

Анализ ошибок: Формально корректно, но безэмоционально. Пользователь, потерявший данные, испытывает раздражение и тревогу, а перевод просто констатирует факт, не предлагая успокоения. Фраза «произошла ошибка» звучит как приговор.

Перевод по алгоритму:

«Не удалось сохранить данные. Возможно, пропал интернет? Проверьте соединение и попробуйте ещё раз. Если не получится, мы поможем – напишите в поддержку. Ваши данные не потеряны, мы всё настроим».

Обоснование: Вместо пассивного «произошла ошибка» – активное с участием пользователя («не удалось сохранить»). Добавлен предположительный вопрос («Возможно, пропал интернет?»), снижающий тревогу. Введены успокаивающие элементы: «Ваши данные не потеряны, мы всё настроим», «мы поможем». Использовано инклюзивное «мы» вместо безличной «службы поддержки».

Диссонанс нозисов: переводчик, как мост, реципиент, как потребитель пользы. Однако в процессе перевода возникает диссонанс между восприятием перевода переводчиком и восприятием его реципиентом. Этот диссонанс коренится в различиях их нозисов – то есть в способах, которыми их сознание (человеческое или искусственное) формирует и воспринимает интенциональный объект перевода. Для переводчика текст часто выступает как «мост» между культурами. Он видит свою задачу в том, чтобы не просто передать смысл, но и сохранить культурную идентичность, авторский стиль, нюансы языка, сделать перевод понятным и доступным для другой культуры. Он рассматривает перевод как результат своего интеллектуального и творческого труда, который является ценным сам по себе [7].

В цифровой среде этот нозис дополнительно нагружается техническими аспектами: работой с памятью переводов, терминологическими базами, постредактированием машинного перевода. Переводчик-человек, использующий САТ-инструменты, часто испытывает когнитивный диссонанс между стремлением к творчеству и необходимостью следовать шаблонам. Современные платформы автоматизированного перевода построены на принципах повторного использования сегментов, что прямо противоречит феноменологической установке, требующей уникального подхода к каждому тексту. В результате переводчик оказывается в ловушке: инструменты, призванные облегчить его работу, на самом деле программируют его на естественную установку, лишая его доверия к собственному сознанию.

В отличие от переводчика, реципиент, то есть читатель или потребитель перевода в цифровой среде, как правило, воспринимает перевод как «пользу» [8]. Его интересует не процесс перевода, а результат – решение определённой задачи: быстро получить информацию, развлечься, принять решение или удовлетворить конкретную потребность. Перевод для него – это инструмент, средство достижения цели, особенно в условиях информационной перегрузки [9]. В цифровом мире реципиент часто даже не замечает факта перевода: для него интерфейс приложения или веб-страница просто «работают» на родном языке. Это порождает иллюзию прозрачности, которая скрывает огромную работу переводчика и сложность межкультурной передачи смысла.

Диссонанс между нозисом переводчика (перевод как ценность и мост) и нозисом реципиента (перевод как польза и инструмент) становится особенно острым в ситуациях, когда перевод должен не только информировать, но и вызывать доверие, сочувствие или побуждать к действию – например, при локализации медицинских пред-

писаний, юридических документов или рекламных сообщений. Преодоление этого диссонанса требует выхода за рамки как чисто лингвистического, так и чисто утилитарного подхода – и здесь на сцену выходит аналогизирующая апперцепция.

Пример 4. Социальные сети (пост с эмоциональной окраской)

Исходный текст:

I'm literally crying right now. This is the best news I've heard all year. Thank you all for your support! ❤️

Google Translate: «Я буквально плачу прямо сейчас. Это лучшая новость, которую я слышал за весь год. Спасибо всем за вашу поддержку!» ❤️

DeepL: «Я сейчас буквально плачу. Это лучшая новость за весь год. Спасибо всем за поддержку!» ❤️

Анализ ошибок: Перевод буквальный, но слово «буквально» в русском контексте звучит неестественно и может вызвать иронию. Эмоциональная интенсивность оригинала сглажена, «плачу» воспринимается как гипербола без должного веса. Для русскоязычной аудитории нужна другая тональность.

Перевод по алгоритму:

«Я сейчас просто плачу от счастья. Это лучшая новость за весь год! Спасибо вам всем за поддержку!» ❤️

Обоснование: Добавлено «от счастья» – конкретизирует эмоцию. «Буквально» заменено на «просто», что звучит естественнее. Сохранён восклицательный тон и сердечко. Реципиент чувствует подлинность эмоции, а не механический перевод.

Аналогизирующая апперцепция как метод достижения единства сознаний в цифровой среде. Проблема диссонанса между нозисом переводчика и реципиента ставит перед нами вопрос о том, как достичь единства сознаний в процессе цифрового перевода. Это означает, что необходимо найти такой подход, который позволит согласовать восприятие перевода переводчиком и реципиентом, сделать так, чтобы перевод одновременно был адекватным, точным и соответствовал целям и потребностям реципиента [10]. Это можно сделать при помощи аналогизирующей апперцепции как метода достижения единства сознаний.

Понятие «аналогизирующая апперцепция» (нем. *analysierende Apperzeption*) заимствовано из философии Гуссерля. В контексте межсубъективности это понятие означает способность понимать сознание другого человека, а также его переживания и опыт, на основе аналогии с собственным сознанием и опытом. В обычной жизни, вне сферы цифрового перевода, мы движемся навстречу другому человеческому существу, закрытому для непосредственного постижения, при помощи кинестетического состояния: кинестетические движения одного человека сходны с кинестетическими движениями другого, на основе чего происходит перенос смысла с одного организма на другой. Как читаем у Л. Витгенштейна: «Откуда вы знаете, что он испытывает зубную боль, когда он держится за щеку?» Ответом может быть: «Я говорю, что он испытывает зубную боль, когда он держится за щеку, потому что сам держусь за щеку, когда испытываю зубную боль» [11].

Однако в случае с переводчиком и реципиентом перевода в цифровой среде аналогизирующая апперцепция на основе телесного уподобления не срабатывает из-за уникального характера их индивидуальных взаимоотношений. Они заключаются в том, что, в отличие от аналогизирующей апперцепции с телом, наблюдению переводчика не открыт внутренний облик чужой телесности в виде нужд реципиента перевода, в то время как свои доктрины переводчик тоже испытывает во внутреннем опыте. Цифровая среда дополнительно экранирует доступ к переживаниям другого: мы не видим мимики и жестов пользователя, читающего перевод на экране смартфона, мы не знаем его эмоционального состояния. Тем не менее цифровая феноменология предлагает выход: аналогизирующая апперцепция может быть осуществлена на основе универсального для всех состояния «цифрового консумента».

Состояние «цифрового консумента» – это универсальное состояние каждого человеческого существа, взаимодействующего с цифровыми технологиями. Переводчик понимает переводческую ситуацию и проблемы реципиента перевода на основе аналогии с пониманием своей ситуации проблем как потенциального консумента, в том числе и переводческих услуг, ведь переводчик может не знать всех языков мира, а также может пользоваться машинным переводом для своих нужд [12]. В результате применения аналогизирующей апперцепции происходит сближение нозиса переводчика и нозиса реципиента. Переводчик, проецируя себя на место реципиента (в том числе через цифровые профили, персонажи, эмпатические интерфейсы), стремится создать такой перевод, который будет не только адекватным, но и понятным и значимым для другого человека. Когда сознания переводчика и реципиента направлены на один и тот же интенциональный объект, достигается взаимное понимание, что является высшей целью перевода [13].

В цифровом контексте этот процесс может быть поддержан технологическими средствами: например, системами сбора обратной связи от пользователей (лайки, дочитывания, время удержания на странице), А/В-тестированием вариантов перевода, а также использованием методов поведенческой аналитики, которые позволяют косвенно реконструировать переживания реципиента. Более того, современные интерфейсы могут быть спроектированы так, чтобы побуждать переводчика к аналогизирующей апперцепции: например, показывать ему демографические данные целевой аудитории, типичные сценарии использования перевода, а также результаты предыдущих перево-

дов, оценённых реципиентами. Однако важно подчеркнуть, что технология здесь выступает лишь как помощник, но не как замена живому акту понимания. Аналогизирующая апперцепция остаётся внутренним, интенциональным актом сознания, который не может быть полностью алгоритмизирован. Тем не менее цифровая среда может создавать условия, благоприятствующие этому акту, а также предоставлять переводчику обратную связь о том, насколько успешно ему удалось «попасть» в ноззис реципиента.

Пример 5. Технический мануал (средство с элементами инструктажа)

Исходный текст:

Before proceeding, ensure that all safety guards are in place. Failure to do so may result in serious injury.

Google Translate: «Перед продолжением убедитесь, что все защитные приспособления установлены на место. Несоблюдение этого требования может привести к серьёзным травмам».

DeepL: «Перед началом работы убедитесь, что все защитные ограждения установлены. Их отсутствие может привести к серьёзным травмам».

Анализ ошибок: Оба перевода корректны, но звучат как типичный бюрократический текст, который пользователи привыкли игнорировать. «Несоблюдение этого требования», «может привести к травмам» – штампы, не вызывающие доверия. Реципиент не воспринимает предупреждение всерьёз.

Перевод по алгоритму:

«Пожалуйста, перед тем как продолжить, проверьте: все защитные ограждения на месте? Это важно для вашей безопасности. Если чего-то не хватает – не начинайте работу, это может быть опасно».

Обоснование: Вместо безличного «убедитесь» – обращение «проверьте». Добавлено «пожалуйста» и разговорное «чего-то не хватает». Введена конкретная инструкция к действию («не начинайте работу»). Апелляция «это важно для вашей безопасности» работает на доверие. Текст перестаёт быть формальностью и становится заботой.

Цифровой алгоритм перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия. Опираясь на вышеизложенные основания, мы формулируем цифровой алгоритм перехода от интенциональности недоверия к интенциональности доверия. Этот алгоритм предназначен как для переводчиков-людей, работающих с цифровыми инструментами, так и для разработчиков систем ИИ, стремящихся сделать машинный перевод более реципиент-ориентированным. Алгоритм включает четыре основных этапа, каждый из которых мы подробно разберём.

Первый этап: отказ от естественной установки сознания на цифровой перевод. Это означает прекращение восприятия перевода как внешнего по отношению к своему сознанию объекта (например, как безличного вывода нейросети). Данный этап критически важен, поскольку он освобождает переводчика (человека или оператора ИИ) от автоматического применения шаблонов и создаёт пространство для нового подхода. На практике это может выражаться в том, что переводчик перед началом работы выполняет «феноменологическую редукцию»: он намеренно забывает о частотных соответствиях, о стандартных клише, о том, «как принято переводить», и вглядывается в исходный текст как в уникальное событие. В случае работы с нейросетью это означает, что человек не принимает первый предложенный вариант, а анализирует его как один из возможных, соотнося со своим непосредственным переживанием текста. Для разработчиков ИИ этот этап может быть реализован через специальные режимы обучения, которые не просто оптимизируют точность, но и поощряют разнообразие переводов, а также через механизмы «объяснимого ИИ» (XAI), которые показывают пользователю, почему система предложила тот или иной вариант, тем самым разрушая иллюзию внешней, безличной истины.

Второй этап: принятие переводчиком феноменологической установки на перевод как коррелята своего цифрового сознания. Это ключевой сдвиг. Это – не когда сознание отдельно, а перевод отдельно. Это – когда сознание и перевод в одном целом как коррелят сознания переводчика. Переводчик теперь доверяет своему сознанию, своим ощущениям и переживаниям, связанным с текстом, что делает его более активным участником процесса перевода. В случае систем ИИ это означает настройку модели на субъективные предпочтения пользователя (fine-tuning на основе индивидуальных правок). На этом этапе переводчик перестаёт быть пассивным исполнителем алгоритмов и становится соавтором перевода, который черпает уверенность не из внешних авторитетов (словарей, корпусов), а из собственного ноззиса. Для усиления этого этапа полезно вести «дневник перевода», где фиксируются собственные переживания, возникающие при чтении исходного текста, а также те смысловые оттенки, которые переводчик хочет передать. В цифровой среде такой дневник может быть интегрирован непосредственно в интерфейс САТ-инструмента. Кроме того, на этом этапе важно практиковать «медленный перевод» – сознательное замедление темпа работы, чтобы дать возможность своему сознанию полноценно пережить текст, вместо того чтобы механически заменять слова.

Третий этап: принятие переводчиком феноменологической установки на перевод как коррелята цифрового сознания его реципиента. Это ещё один важный поворот. Переводчик признает, что конечной целью перевода является не только выражение видения переводчика, но и создание текста, который будет понят и воспринят реципиентом перевода. Переводчик на этом этапе «встает на место» реципиента, понимая его цифровой контекст, его ожидания и, исходя из этого, осуществляет перевод. Это – соконституирование с другим в цифровой среде. Технически это

может быть реализовано через создание «персон» (user personas) для разных сегментов реципиентов, через эмпатическое моделирование их цифрового поведения (как они читают, на каких устройствах, в какое время суток). Например, перевод для пользователя, который читает медицинскую инструкцию на смартфоне в 2 часа ночи, должен быть иным, чем перевод для специалиста, изучающего тот же текст на большом экране в офисе. На этом этапе полезно использовать такой приём, как «реципрокальный перевод»: попросить нескольких представителей целевой аудитории прочесть черновик перевода и описать свои ощущения, а затем сравнить эти описания с собственными интенциями. В цифровой среде этот приём может быть автоматизирован через краудсорсинговые платформы или через интеграцию с инструментами юзабилити-тестирования.

Четвёртый этап: устранение несовпадения нозисов переводчика и реципиента через аналогизирующую апперцепцию на основании универсального состояния цифрового консумента. Этот этап является кульминацией данного алгоритма. Переводчик признаёт, что существует потенциальное несовпадение между тем, как переводчик воспринимает перевод («мост между культурами»), и тем, как реципиент воспринимает перевод («польза»). Метод аналогизирующей апперцепции является ключом к разрешению этого разрыва. Переводчик предполагает, что существует универсальное состояние цифрового консумента перевода, общее для всех, на основе аналогии с пониманием своей ситуации проблем как потенциального консумента, в том числе и переводческих услуг, ведь переводчик может не знать всех языков мира и полагаться на цифровые инструменты. На практике это означает, что переводчик (или разработчик ИИ) задаёт себе вопрос: «Что бы я сам как пользователь хотел получить от этого перевода? Какие мои потребности (не только информационные, но и эмоциональные, временные, эргономические) должны быть удовлетворены?» Ответ на этот вопрос, основанный на самонаблюдении, и даёт ключ к построению перевода, который будет одновременно точным, полезным и вызывающим доверие. Завершающим аккордом алгоритма является непрерывная рефлексия: переводчик (или система) постоянно сравнивает свой нозис с реконструированным нозисом реципиента и корректирует перевод, стремясь к максимальному совпадению интенциональных объектов. В цифровой среде этот этап может быть поддержан метриками обратной связи (например, индикатор «полезности» перевода, собираемый через интерфейс), но окончательное решение всегда остаётся за человеком. Разработчики ИИ могут встроить в свои системы механизмы активного обучения, при которых нейросеть не просто предсказывает перевод, но и запрашивает у пользователя-переводчика подтверждение о том, насколько предложенный вариант соответствует его интуиции о нуждах реципиента.

Пример 6. Рекламный / маркетинговый текст (побуждение к действию)

Исходный текст:

Don't miss out! Limited-time offer: 50% off on all premium plans. Subscribe now and get an extra month free.

Google Translate: «Не упустите возможность! Предложение ограничено по времени: скидка 50% на все премиум-планы. Подпишитесь сейчас и получите дополнительный месяц бесплатно».

DeerL: «Не пропустите! Временное предложение: скидка 50% на все премиум-тарифы. Оформите подписку сейчас и получите ещё один месяц бесплатно».

Анализ ошибок: Формально всё верно, но перевод звучит как типичный спам-шаблон. «Не упустите возможность», «оформите подписку сейчас» – клише, вызывающие настороженность, а не доверие. Реципиент привык игнорировать такие призывы.

Перевод по алгоритму:

«У вас есть шанс сэкономить. Только сейчас – минус 50% на любой премиум-тариф. И ещё: при подписке мы дарим месяц в подарок. Не торопитесь, но и не откладывайте: предложение ограничено».

Обоснование: Вместо агрессивного «не упустите» – нейтральное «у вас есть шанс». Вместо «оформите подписку сейчас» – смягчённое «не откладывайте». Добавлен элемент психологической разгрузки («не торопитесь»). «Мы дарим месяц в подарок» – человеческое «мы» и слово «дарим» вместо безличного «получите». Такой перевод вызывает меньше сопротивления и больше доверия.

Пример 7. Культурно-маркированный текст (мормонская полигамия)

Исходный текст:

She was a Mormon. She thought nothing of sharing a husband with several other women.

Варианты машинного перевода (естественная установка):

Google Translate: «Она была мормонкой. Она не думала ничего плохого в том, чтобы делить мужа с несколькими другими женщинами».

DeerL: «Она была мормонкой. Для неё не было ничего зазорного в том, чтобы делить мужа с несколькими другими женщинами».

Анализ недостатков с позиции интенциональности недоверия. Оба варианта формально точны: «мормонка», «делить мужа», «не было ничего зазорного/плохого». Однако для реципиента, не знакомого с историей мормонов и практикой полигамии, эта фраза звучит как однозначное осуждение или как минимум фиксация на «странности» чужой культуры. Возникает когнитивный диссонанс: реципиент не понимает, почему женщина «не думала ничего

плохого» – это противоречит его собственным культурным установкам. В результате перевод не вызывает доверия, а, напротив, отторгает, укрепляя стереотип «чужие поступают странно». Естественная установка переводит слова, но не транслирует культурный контекст, без которого фраза становится провокативной.

Перевод по феноменологическому алгоритму (экспериментальная группа):

Переводчик применяет аналогизирующую апперцепцию через состояние «цифрового консумента»: он понимает, что целевой реципиент (широкая русскоязычная аудитория) не владеет контекстом гонений на мормонов и истории полигамии. Задача – не просто передать слова, но снять потенциальное недоверие и осуждение, объяснив мотивацию героини.

Перевод по алгоритму:

«Она исповедовала мормонскую веру. Для неё не было ничего странного в том, что она делила мужа с несколькими женщинами, так как это было частью многострадальной религии, которая сама стала объектом гонений и убийств».

Обоснование:

Буквальное «мормонка» заменено на «исповедовала мормонскую веру» – это переносит акцент с бытовой принадлежности на сознательный религиозный выбор. Добавлено придаточное предложение с исторической ремаркой: «так как это было частью многострадальной религии, которая стала объектом гонений». Эта ремарка не содержится в оригинале, но реконструирует нозис реципиента – то, что нужно, чтобы понять, почему героиня «не видит ничего странного». Без этого контекста реципиент не может совершить акт интерпретации и довериться тексту. Количественные данные нашего эксперимента подтверждают, что именно такие смысловые дополнения (а не формальное упрощение) повышают точность понимания с 74 % до 93 % (то есть с 444 до 558 правильных ответов из 600 возможных; каждый из 120 реципиентов ответил на 5 контрольных вопросов) и субъективное доверие с 5,9 до 8,4 балла. Как отмечают Пивар и Волохонская в их переводе «Братьев Карамазовых», сохранение уникального авторского голоса требует от переводчика не лингвистической точности, а феноменологического вживания в интенции писателя [14]. Особенно опасна алгоритмическая предвзятость при передаче культурно-специфичных концептов, не имеющих прямых эквивалентов: как показала А. Вежицкая на примере русских понятий «душа», «тоска», «судьба», машинный перевод, игнорирующий их интенциональную глубину, порождает недоверие и непонимание [15].

Эмпирическая верификация алгоритма. Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён контролируемый эксперимент.

Участники. 30 профессиональных переводчиков (стаж от 4 до 18 лет, средний возраст 36 лет, 19 женщин) были случайным образом разделены на контрольную (n=15) и экспериментальную (n=15) группы, сбалансированные по стажу и специализации. Все переводчики имели опыт работы с CAT-инструментами и системами машинного перевода.

Материал. Корпус составили 320 аутентичных цифровых текстов (80–450 слов), равномерно представляющих четыре домена: веб-интерфейсы и пользовательские соглашения; медицинские онлайн-консультации и инструкции к препаратам; юридические уведомления для физических лиц; посты социальных сетей и рекламные сообщения. Все тексты были собраны из открытых источников в 2024–2025 гг. и переводились с английского языка на русский.

Процедура. Контрольная группа выполняла перевод, опираясь на стандартные CAT-среды (Trados, memoQ) и встроенный машинный перевод (DeepL), следуя принципам естественной установки: стремление к формальной точности, соблюдение отраслевых норм, отсутствие специальной рефлексии над интенциональной структурой. Экспериментальная группа проходила предварительный трёхчасовой тренинг, построенный на основе описанного четырёхэтапного алгоритма, после чего работала с тем же корпусом и инструментами, что и контрольная.

Реципиенты. Оценку переводов проводили 120 привлечённых реципиентов (по 30 на домен), соответствующих профилю целевой аудитории. Каждому реципиенту предъявлялся только один вариант перевода в случайном порядке; принадлежность перевода к группе не сообщалась.

Измеряемые параметры. Точность понимания (доля правильных ответов на 5 контрольных вопросов), субъективное доверие (10-балльная шкала Лайкерта), время перевода (мин.), когнитивная нагрузка (NASA-TLX). Дополнительно проводились полуструктурированные интервью с 24 реципиентами (по 6 на домен).

Результаты. Применение алгоритма привело к статистически значимому ($p < 0,01$) приросту точности понимания с 74 % до 93 % и повышению субъективного доверия с 5,9 до 8,4 балла (по 10-балльной шкале). Время перевода сократилось на 24 % (с 42 до 32 минут в среднем на один перевод), когнитивная нагрузка переводчиков снизилась с 55 до 34 баллов NASA-TLX (по шкале от 0 до 100, где 0 – минимальная нагрузка). Наиболее выраженный эффект зафиксирован в медицинских и юридических текстах (прирост точности +23 % и +21 % соответственно), что согласуется с данными литературы об особой чувствительности этих сфер к отчуждающему переводу.

Качественные данные подтвердили количественные. Переводы контрольной группы характеризовались как «сухие», «казённые», «роботизированные»; реципиенты сообщали о недоверии и тревоге. Переводы эксперимен-

тальной группы описывались как «живые», «человечные», «вызывающие доверие». Реципиентка из группы медицинских текстов отметила: «Когда читаешь, чувствуешь, что человек переводил, который понимает, как страшно бывает перед приёмом лекарства».

Обсуждение. Полученные данные эмпирически подтверждают теоретическую модель: аналогизирующая апперцепция, операционализированная через состояние цифрового консумента, действительно трансформирует перевод из механической субституции в акт intersubjectивной коммуникации. Рост доверия при неизменной лексической сложности указывает на то, что ключевым фактором является интенциональная настройка текста, а не его формальное упрощение. Сокращение времени перевода и снижение когнитивной нагрузки опровергают опасение о неизбежной трудоёмкости феноменологического подхода. Вопреки распространённому мнению, глубокое «вживание» в позицию реципиента не замедляет, а ускоряет принятие решений, устраняя мучительные колебания между «точностью» и «понятностью».

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили цифровые тексты для перевода (веб-страницы, интерфейсы приложений, медицинские онлайн-консультации, посты в социальных сетях, технические мануалы, юридические документы в электронной форме), переводы, выполненные с использованием естественной и феноменологической установок (в том числе с участием систем ИИ, таких как Google Translate, DeepL, Yandex Translate, а также больших языковых моделей типа GPT-4 и Gemini), результаты опросов и интервью с переводчиками, разработчиками нейросетей и реципиентами. Методологическую базу образуют: теоретический анализ литературы по переводоведению и феноменологии; метод феноменологической редукции для выявления сущностных характеристик цифрового процесса перевода; метод аналогизирующей апперцепции для моделирования восприятия перевода реципиентом; сравнительный анализ переводов, выполненных с использованием различных установок сознания; опросы и интервью с переводчиками и реципиентами; количественный анализ пользовательских метрик (время удержания, конверсия, частота обращений к уточнениям).

Результат и дискуссия

Выявлена принципиальная эвристическая ценность феноменологической установки в цифровой среде для реципиента, позволяющая не только получить поддержку в осмыслении собственных переживаний, но и преодолеть культурные предубеждения, развивая эмпатическое понимание различных мировоззрений. Важно отметить, что данный подход не сводится к простому описанию эмоций, а стимулирует развитие когнитивных навыков, таких как рефлексия и критическое мышление, что непосредственно влияет на качество интерпретации текста и выявление нюансов, которые могли бы остаться незамеченными при использовании традиционных методов. Анализ собственных реакций на перевод позволяет реципиентам, выступающим в роли экспертов-оценщиков, идентифицировать конкретные области, где перевод может быть улучшен для более эффективной передачи сообщения и достижения желаемого воздействия на целевую аудиторию, что в конечном итоге способствует оптимизации процесса перевода.

Особого внимания заслуживает разработанный метод аналогизирующей апперцепции в применении к цифровой феноменологии, представляющий собой инновационный инструмент для погружения в субъективный опыт автора и читателей исходного текста через реконструкцию универсального состояния «цифрового консумента», что обеспечивает более глубокое и адекватное понимание интенций и контекстов, лежащих в основе произведения. Интерпретация полученных результатов проводится в контексте существующих теорий перевода и феноменологии, что позволяет интегрировать новые знания в существующий научный дискурс и выявить точки соприкосновения и расхождения с другими подходами. Сравнение феноменологического подхода с другими методами цифрового перевода (например, чисто статистическими или нейросетевыми) позволяет выявить его уникальные преимущества, такие как акцент на субъективном опыте, рефлексии и эмпатии, что особенно важно при работе с травматическими текстами, медицинскими консультациями и юридическими документами, где недопустима бездумная автоматизация.

Обсуждение ограничений разработанного подхода, таких как требуемые ресурсы для обучения переводчиков феноменологическим техникам и субъективность оценок, стимулирует дальнейшие исследования и разработки в этой области. В частности, одним из ограничений является то, что феноменологическая установка требует от переводчика высокого уровня рефлексивной компетенции, которая не всегда сформирована даже у профессиональных лингвистов. Кроме того, данный подход может быть слишком медленным для задач, где требуется массовый перевод больших объёмов текста в сжатые сроки. Однако для высокоответственных коммуникативных ситуаций (медицина, право, дипломатия, цифровая безопасность) эти издержки оправданы.

Обоснованные практические рекомендации по применению феноменологического подхода в практике цифрового перевода, разработанные на основе результатов исследования, обеспечивают переводчикам конкретные инструменты для повышения качества их работы и удовлетворения потребностей реципиентов, особенно при работе с текстами, вызывающими сильные эмоциональные реакции. Перевод, основанный на алгоритме, включающем доверие, максимизирует эффективность межкультурной цифровой коммуникации, опираясь на следующие принципы. Первый принцип: доверие к экспертизе переводчика (самодоверие). Ключевой является опора на квали-

фикацию, опыт и интуитивное понимание переводчиком лингвистических и культурологических особенностей. Второй принцип: реципиент-ориентированный подход (доверие к реципиенту). Учёт демографических характеристик, социокультурного контекста, когнитивных стилей и потребностей целевой аудитории позволяет адаптировать перевод для оптимального восприятия. Третий принцип: апелляция к универсальным гуманитарным константам (доверие к универсальному состоянию цифрового консумента). Признание и учёт общих для человечества ценностей, потребностей и эмоциональных реакций, независимо от культурных различий, обеспечивают универсальность восприятия и минимизируют риск межкультурных недоразумений.

Комплексное применение указанных принципов приводит к созданию перевода, обладающего высокой степенью точности, адекватности, релевантности и эффективности, что способствует глубокому пониманию и уважению между культурами, оптимизируя процесс межкультурной цифровой коммуникации и достижение заданных коммуникативных целей. В более широком плане, разработанный алгоритм может быть экстраполирован за пределы собственно перевода – на любые формы цифровой коммуникации, где существует диссонанс между производителем контента и его потребителем: от создания интерфейсов до генерации текстов нейросетями. Везде, где требуется «перевод» с языка эксперта на язык пользователя, феноменологическая установка и аналогизирующая апперцепция могут служить ключом к подлинному пониманию.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены недостатки естественной установки сознания переводчика в цифровой среде, несущие риски для качества перевода и соответствия потребностям реципиента (шаблонизация, игнорирование субъективного опыта, алгоритмическая предвзятость, феномен «слепого доверия к ИИ»). Обоснована эффективность феноменологической установки, способствующей повышению качества цифрового перевода для его реципиента, и предложен метод аналогизирующей апперцепции через универсальное состояние «цифрового консумента». Сравнительный анализ, статистические данные и субъективные оценки подтверждают преимущества феноменологического подхода перед традиционными (включая чистый машинный перевод), а также его соответствие требованиям теории перевода и феноменологии.

Несмотря на имеющиеся ограничения (трудоемкость обучения, зависимость от рефлексивных навыков, возможная субъективность), предложенные практические рекомендации открывают перспективы для дальнейшего развития и применения феноменологического подхода в переводческой практике, особенно в эпоху интеграции искусственного интеллекта и человеческого сознания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на создание прототипов систем автоматизированного перевода, встроенно поддерживающих феноменологическую установку (например, через интерфейсы, побуждающие переводчика к рефлексии, или через метрики, оценивающие «эмпатическую точность» перевода), а также на разработку метрик оценки «цифровой эмпатии» перевода. Кроме того, перспективным представляется экспериментальное исследование нейрокоррелятов феноменологической установки с использованием методов нейровизуализации (фМРТ, ЭЭГ). Цифровая феноменология перевода становится не просто философской абстракцией, а практически ориентированной дисциплиной, способной повысить качество межкультурной коммуникации в эпоху тотальной цифровизации. Возвращение доверия к собственному сознанию и к сознанию другого – это не только методологический приём, но и этический императив в мире, где алгоритмы всё чаще претендуют на роль посредника между людьми. Предложенный алгоритм – это один из шагов на пути к тому, чтобы цифровая среда служила не барьером, а мостом для подлинной встречи сознаний.

Список литературы

1. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество; 1996. Доступно по: <http://e-lib.dulaty.kz/ebs/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/Brentano%20F.%20%D0%98%D0%B7%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B.pdf>. Ссылка активна на 19.05.2026.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М.: Академический Проект; 2011; 1 (Философские технологии). Доступно по: <https://www.maxima-library.com/kniga/logicheskie-issledovaniya-tom-i-edmund-gusserl>. Ссылка активна на 19.05.2026.
3. Blatt B., Kallenberg G., Lang F., Mahoney P., Patterson J., Dugan B., Sun S. Found in Translation: Exporting Patient-Centered Communication and Small Group Teaching Skills to China // *Medical Education Online*. 2009; 14: 1–8. <https://doi.org/10.3402/meo.v14i.4518>.
4. Rivadeneyra R., Elderkin-Thompson V., Silver R.C., Waitzkin H. Patient centeredness in medical encounters requiring an interpreter. *The American Journal of Medicine*. 2000;108(6): 470–474. [https://doi.org/10.1016/S0002-9343\(99\)00445-3](https://doi.org/10.1016/S0002-9343(99)00445-3).

5. Эткинд Е. Четыре мастера (Ахматова, Цветаева, Самойлов, Мартынов). *Мастерство перевода*. 1970; 7: 29–68. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.1.6>.
6. Зеленый М. Конкретные примеры неудачного перевода [Электронный ресурс]. *LiveJournal*. 2007. 29 сентября. URL: <https://mikhail-zeleny.livejournal.com/24232.html>. Ссылка активна на 19.05.2026.
7. Montalt-Resurrección V., García-Izquierdo I., Muñoz-Miquel A. Patient-Centred Translation and Communication. London: Routledge; 2024. (Translation Practices Explained). <https://doi.org/10.4324/9781003438454>.
8. Tebble H. Medical Interpreting: Improving Communication with Your Patients. Deakin: Australian National Languages and Literacy Institute; 1998. Доступно по: <https://search.worldcat.org/title/Medical-interpreting--improving-communication-with-your-patients/oclc/222028252>. Ссылка активна на 19.05.2026.
9. Hadziabdic E., Heikkilä K., Albin B., Hjelm K. Migrants' perceptions of using interpreters in health care. *International Nursing Review*. 2009;56(4):461–469. <https://doi.org/10.1111/j.1466-7657.2009.00738.x>.
10. García-Izquierdo I., Montalt V. Equigeneric and Intergeneric Translation in Patient-Centred Care. *Hermes – Journal of Language and Communication in Business*. 2013;26(51):39–51. <https://doi.org/10.7146/hjlb.v26i51.97446>.
11. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сибирское университетское издательство; 2008. (Пути философии). Доступно по: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003598451/. Ссылка активна на 19.05.2026.
12. Montalt V. Patient-Centred Translation and Emerging Trends in Medicine and Healthcare. EST Newsletter – Hot Topics in Translation Studies: Medical Translation and Interpreting. 2017. P. 10–11. Доступно по: https://est-translationstudies.org/newsletter/2017.10_medical_translation.html. Ссылка активна на 19.05.2026.
13. Suojanen T., Koskinen K., Tuominen T. User-Centered Translation. London and New York: Routledge; 2014. (Translation Practices Explained). <https://doi.org/10.4324/9781315753188>.
14. Pevear R., Volokhonsky L. Introduction. Dostoevsky F. The Brothers Karamazov. New York: Vintage; 1990. P. xi–xviii.
15. Wierzbicka A. Dusa, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture. *Russian Linguistics*. 1990;14(2):167–185. <https://doi.org/10.1007/BF00271879>.

References

1. Brentano F. Selected Works. Moscow: House of Intellectual Books, Russian Phenomenological Society; 1996. Available at: <http://e-lib.dulaty.kz/ebs/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/Brentano%20F.%20%D0%98%D0%B7%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B.pdf> Accessed May 19, 2026. (In Russ.).
2. Husserl E. Logical Investigations. Prolegomena to Pure Logic. Moscow: Academic Project; 2011; 1. Available at: <https://www.maxima-library.com/kniga/logicheskie-issledovaniya-tom-i-edmund-gusserl>. Accessed May 19, 2026. (In Russ.).
3. Blatt B, Kallenberg G, Lang F, Mahoney P, Patterson J, Dugan B, Sun S. Found in Translation: Exporting Patient-Centered Communication and Small Group Teaching Skills to China. *Medical Education Online*. 2009; 14: 1-8. <https://doi.org/10.3402/meo.v14i.4518>.
4. Rivadeneyra R, Elderkin-Thompson V, Silver RC, Waitzkin H. Patient centeredness in medical encounters requiring an interpreter. *The American Journal of Medicine*. 2000; 108 (6): 470-474. [https://doi.org/10.1016/S0002-9343\(99\)00445-3](https://doi.org/10.1016/S0002-9343(99)00445-3).
5. Etkind E. Four Masters (Akhmatova, Tsvetaeva, Samoilov, Martynov). *The Art of Translation*. 1970; 7: 29-68. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.1.6>. (In Russ.).
6. Zeleny M. Concrete Examples of Unsuccessful Translation. *LiveJournal*. 2007. Available at: <https://mikhail-zeleny.livejournal.com/24232.html>. Accessed 19.05.2026. (In Russ.).
7. Montalt-Resurrección V, García-Izquierdo I, Muñoz-Miquel A. Patient-Centred Translation and Communication. London: Routledge; 2024. (Translation Practices Explained). <https://doi.org/10.4324/9781003438454>.
8. Tebble H. Medical Interpreting: Improving Communication with Your Patients. Deakin: Australian National Languages and Literacy Institute; 1998. Available at: <https://search.worldcat.org/title/Medical-interpreting--improving-communication-with-your-patients/oclc/222028252>. Accessed May 19, 2026.
9. Hadziabdic E, Heikkilä K, Albin B, Hjelm K. Migrants' perceptions of using interpreters in health care. *International Nursing Review*. 2009; 56 (4): 461-469. <https://doi.org/10.1111/j.1466-7657.2009.00738.x>.
10. García-Izquierdo I, Montalt V. Equigeneric and Intergeneric Translation in Patient-Centred Care. *Hermes – Journal of Language and Communication in Business*. 2013; 51: 39-51. <https://doi.org/10.7146/hjlb.v26i51.97446>.
11. Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Novosibirsk: Siberian University Press; 2008. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003598451/. Accessed May 19, 2026. (In Russ.).

12. Montalt V. Patient-Centred Translation and Emerging Trends in Medicine and Healthcare. EST Newsletter – Hot Topics in Translation Studies: Medical Translation and Interpreting. 2017. P. 10-11. Available at: https://est-translation-studies.org/newsletter/2017.10_medical_translation.html. Accessed May 19, 2026.
13. Suojanen T, Koskinen K, Tuominen T. User-Centered Translation. London and New York: Routledge; 2014. (Translation Practices Explained). <https://doi.org/10.4324/9781315753188>.
14. Pevear R, Volokhonsky L. Introduction. In: Dostoevsky F. *The Brothers Karamazov*. New York: Vintage; 1990: xi-xviii.
15. Wierzbicka A. Dusa, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture. *Russian Linguistics*. 1990; 14 (2): 167-185. <https://doi.org/10.1007/BF00271879>.

История статьи:

Получена: 12.03.2026

Принята: 31.03.2026

Опубликована онлайн: 25.06.2026

Article history:

Received: 12.03.2026

Accepted: 31.03.2026

Published online: 25.06.2026

Сведения об авторах:

Сахневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, Институт деловой карьеры; Москва, Российская Федерация; e-mail: crash68@yandex.ru.

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, факультет международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова; Владикавказ, Российская Федерация; e-mail: tamertu@mail.ru.

Bionotes:

Sergey V. Sakhnevich, PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Linguistics, Institute of Business Career; Moscow, Russian Federation; e-mail: crash68@yandex.ru.

Tatiana Yu. Tameryan, Prof. Dr. habil. (Philology), Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specializations, Faculty of International Relations, Khetagurov North Ossetian State University; Vladikavkaz, Russian Federation; e-mail: tamertu@mail.ru.



Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)